

Состязание молодца конями с князем Владимиром

Э во стольнеем городе во Киеве
Ю ласкова князя ю Владимира
Да было пирóваньє-столóваньє
Про сильных могучих богáтырей.
Тут вси на пиру напиваютца,
Да вси на чесном наедаютца.
Тут ходит нонь солнышко Владымыр-князь
По тому же полу дубовому,
По той же...
Сапог о сапог постукиват,
Каблук о каблук поколачиват,
Белыми руками розмахиват,
Златыми перстнями побрякиват,
Русыми кудрями потряхиват,
Ясными очами поваживат,
Из речей Владимир поговаривает:
«Уж вы ой есі, мои гости приезжие,
Приезжие вы гости дальние,
Приезжие гости всё прихожие,
Уж сильные могучие богáтыри!
Кто бьётся со мной о велик залóг?
Я бьюся теперь о велик залóг —
[Съездить] от города до города,
От Киева-града и до Чернигова,
Да три девяноста равномерных вёрст,
Межу утреней съездить, меж обеднюю.
Я сто кладу́ рублей со тысячей,
А кто бы о своей буйной головушке?»
Выставаает удалой доброй молодець
По имени Добрынюшка Микитич блад:
«Ты солнышко батюшко Владымыр-князь!
И я съездю от города до города,
От Киева-града и до Чернигова,

Да три девеноста равномерных вёрст,
Межу ютреней и между обеднюю».
Пошёл Добрынюшка вон на юлицу,
Приходит ко своей лошади доброей,
Из рецей Добрынюшка выговариват:
«Ты маленький бурушко-косматецько,
Да добрый конь сеголетоцек,
Да ты можешь ли сходить [от города
Киева до Чернигова,
Три девеноста равномерных вёрст,
Между ютреней, между обеднюю?]
Да князь кладёт сто рублей со тысяцей,
А я о своей буйной головушке».
Говорит-то ему маленький бурушко-косматецько:
«Уж ты Добрынюшка Микитич блад!
Уж мы съездим от Киева-града до Чернигова,
И три девеноста равномерных вёрст,
Межу ютреней и между обеднюю,
А не выдаст-ка Владимир денежки выгодно,
А выгодно денежки и выездно».
Обуздает-седлает добра коня,
Поехал Добрынюшка из чиста поля в стольный Киев-град,
И приеждает он ко церкви ко божьей же.
Да скоро он скачет со добра коня,
Заходит Добрынюшка во церковь во божью,
Из рецей-то Добрынюшка выговариват:
«Уж вы ой еси, попы, ётцы духовные!
Вы служили заутреню воськресеньскую,
Роспишитесь вы-ко мне скорограмотку,
Не ударживайте вы удала добра молодца в чистом поле.
Я билса-то с князем о велик золот,
Да сто кладёт князь рублей со тысяцей,
А я о своей буйной о головушке:
Мне съездить от города до города,
От Киева-града до Чернигова,
Да три дев[еноста равномерных вёрст,
Межу ютреней и между обеднюю],
Мне не съездить — голову сложить».
Да то попы не ослышались,

Росписались они ему скорограмотку;
Да скоро Добрыня вышел вон на юлицу,
Взял Добрыня скорограмотку,
Пошёл детина вон на юлицу,
Садилса на коня на доброго,
Поехал Добрынюшка во чистó полё.
Маленький бурушко-косматецько,
Добренький конь сеголетоцек,
Начал он ехать по чисту́ полю.
Стал ускоки скакать не маленьки:
Первый ускок скочил за десять вёрст,
Втóрой ускок скочил за́ двадцеть вёрст,
А третий ускок скочил за тридцеть вёрст,
Начал маленький бурушко ростешился,
И добренький конь распотешился:
Начал он скакать с гóры на́ гору,
Со щельи скачет он на щéлину,
С окатици катитца он на окатицу,
Мелкие ёзера хвостом покрыват,
Быстрые речки перескакиват,
Зыбучи болота промеж ног берёт.
Не долго поётца, скоро скажетца.
Приехал Добрыня во Чернигов-град,
Оставляет своёго коня доброго,
Заходит во церковь во божию,
Служит обедню воскресеньскую,
Из рецей-то Добрынюшка выговариват:
«Уж вы ой еси, отцы, попы духовные,
Вы причётники церковные!
И роспишитесь мне скорограмотку.
Не ударживайте вы меня, добра́ молодца.
Я билса с князем о велик залóг,
Да князь кладёт сто рублей со тысяцей,
А я о своей буйно́й головушке:
Мне съездить от города до города,
Да три [девеноста равномерных вёрст,
Межу ютреней и между обеднюю»].
На то попы, отцы духовные, не ёслышались,
Росписались удалу добру молодцу.

Топеря Добрыня пошёл вон на юлицу
Да скоро садилса Добрыня на добра коня,
Поворачивал коня как лютым зверём,
Поехал Добрынюшка во чистом поли.
Да маленький бурушка-косматецько ростешился,
Добренький конь распотешился:
[Начал он скакать с горы на гору,
Со щельи он скачет на щелину,
С окатици катитца он на окатицу]
(отдохнул, так снова стал скакать!)
И приехал Добрыня в стольный Киев-град.
Приеждяет Добрынюшка к церкви ко божией,
Заходит во храм божий
И служит заутреню воскресеньскую.
(И там служил и здесь приехал — служит, вот как ездит!)
Увидел он солнышка Владымыра,
Говорит Добрыня таковó словó:
«Уж ты солнышко Владымыр-князь!
Отдай-ко мне денежки выездны и выгодны,
Да сто рублей клади со тысяцей:
Я-де съездил от города до города,
С Киева-града до Чернигова!»
(Тут-то расписались и там расписались.)
Говорит ему солнышко Владымыр-князь таковó словó:
«Прошу милости, Добрынюшка, ко мне на почесен пир!»
(Долго ли пиروвали...)
Говорит-то Добрыня таковó слово:
«Уж ты солнышко батюшко Владымыр-князь,
Владымир-князь стольне-киевский!
Клади-тко денежки выгодны,
Выгодны денежки, выездны,
Сто рублей клади теперь со тысяцей:
Не съезди я от города до города,
Ты ссек бы у меня буйну голову».
Говорит ему царищо таковó словó:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитич блад!
Продай-ка мне маленького бурушка».
Говорит Добрыня таковó словó:
«Не продам я бурушка ни за какі деньгі».

Тут-то Владимиру за беду сталó,
За великую досаду показалосе.
Говорит-то Владимир таково словó:
«Уж вы ой еси, мои слуги верныи,
Верные слуги, неизменные!
Сходите-ко, слуги, на конюшен двор,
Выпускайте тридцеть жéребцей неучённых,
Пушай побежат эти жéребцы в чистó полё,
Пушай заедат его бурушка-косматецька».
На то его слуги не ослышались,
Побежали эти жéребцы во чистó полё,
Да стали жеребца покусывать.
Да маленький бурушко ростешился,
Да начал скакать по чисту́ полю,
Да все эти кони испужались,
Да все кони пали, как бубны́ лежат.
(Все пропали. Опять Добрыня стал просить деньги.)
«Я не съездил бы [от города до города],
Ты бы ссек бы [у меня буйну голову].
Ты клади-тко [денежки выгодны,
Выгодны денежки, выездны]».
И говорит Владимир таково слово:
«Продай-ка мне бурушка-косматецька».
Говорит-то Добрыня таково словó:
«Не продам я тебе бурушка ни за каки́ деньгí».
Да тут Владимиру за бедú стало,
За великую досаду показалосе,
Из рецей-то Владимир выговаривал:
«Выпускайте трёх добрых лошадей,
Пусть заедат бурушка в чистом поли».
На то его слуги не ослышались.
Побежали жеребцы во чистó полё,
Теперь от этих коницков вести нет.
(Просит Добрыня денег.)
Говорит Добрыня таково словó:
«Уж ты солнышко батюшко Владимир-князь!
Клади-тко ты денежки выгодны,
Выгодны денежки, выездны,
Да сто рублей клади со тысяцей:

Не съезди я от города до города
Три девеносто равномерных вёрст,
Ты ссек бы у меня буйну голову».
Никто по детину не выставаает жё,
А выставаёт два удалых добрых молодца.
Ёдин — стар казак Илья Муромец,
А-во вторых, Самсон Колыбанович.
Их рецей эти молодца выговариват:
«Уж ты ой еси, Владимир-князь,
Ты солнышко князь стольне-киевский!
Отдай ты денежки выгодны,
Ты выгодны денежки, выездны:
Не съезди он от города до города,
От Киева-града до Чернигова,
Ссек бы буйну голову».
Пришлось князю отдать денежки выгодны,
А тут от Владимира ответу нет.
А вынимал Владимир все денежки.
Пошёл Добрыня во чистó полё
Ко своёму ко маленькому бурушку.
Маленькому бурушку за беду сталó,
За великую досаду показалосе.
Тут-то бурушко-косматецько рассёрдился,
Хватил-то Добрыню за кунью шубу
И брóсил Добрыню на сырú землю.
(Это за то, что хвастал, а они его кусать хотели.)
Лежал-то Добрынюшка три часа замертво.
Говорит-то конь таковó словó:
«Ты, молодой, пурхай — не попархивай,
А маленький детина — не похвастывай!»

(Зап. Астаховой А. М.: 23 июля 1929 г., д. Великая Виска, Ненецкий нац. округ — от Дитятевой Прасковьи Ивановны, 69 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.